

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.- М., 1882. – Т. 3.
5. Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т.т. – М., 1985.
6. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М., 1966.

Поступила в редакцию 16.11.2002

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН И АНГЛО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ И ПРЕДРАССУДКАХ

Н. А. Ищенко

Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского

В статье описываются причины формирования стереотипов и предрассудков в отношении России у английского поэта Альфреда Теннисона.

Ключевые слова: англо-русские отношения, стереотипы, Россия, концепция

У статті описано причини формування стереотипів і забобонів, відносно Росії у англійського поета Альфреда Теннісона.

Ключові слова: англо-російські відносини, стереотипи, Росія, концепція

The article describes causes of stereotypes forming English poet – A.Tennison.

Key words: English and Russian relations, stereotypes, Russia

Английский поэт-лауреат лорд Альфред Теннисон никогда не был в России, что, однако, не помешало ему в семидесятилетнем возрасте заявить: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру» [1].

Фактически эта ненависть началась еще за восемь лет до его рождения – в первый год века. Отец поэта – Джордж Клейтон Теннисон в 1801 году совершил путешествие в Россию. Что подвигло его на сей странный с точки зрения британца поступок? Вероятно, известная всем крайняя неуправляемость и эксцентричность: однажды, будучи студентом Кембриджа, он выстрелил из пистолета в окно университетской церкви [2]. Целью его визита было посещение коронации Александра I в Москве 15 сентября. Недолгое правление Павла I было крайне непопулярным в Англии: его пакт с Наполеоном шокировал англичан и восстановил их против России. Поговаривали даже, что вместе с Францией Павел собирается завоевать Индию. Поэтому можно себе представить то облегчение, которое официальный Лондон испытал после его убийства, и то закономерное ликование по поводу формального восстановления новым императором дружественных отношений между двумя нациями.

Джордж Клейтон Теннисон довольно легко получил приглашение на церемонию коронации нового русского императора, так как лорд Хелене, официально представлявший на ней Англию, был, как и он, выпускником колледжа Св. Джонса. С собой будущий отец будущего певца Крымской кампании захватил несколько полезных книг: отчеты путешественников по Российской империи, жизнеописание Екатерины Великой и основательный труд «Секретные мемуары санкт-петербургского графа», переведенный с французского и опубликованный в Лондоне в 1800 году.

В должное время Джордж отплыл в Кронштадт, планируя вовремя добраться до Москвы. Но он неправильно оценил расстояние, прибыл в Москву гораздо позже и остался в Петербурге в надежде взглянуть на императора по его возвращении в столицу. Однако Александр задержался в Москве до конца октября, и Джорджу не оставалось ничего другого, как все же отправиться туда. И именно там, в Москве, произошло событие, сформировавшее негативное отношение к России не только отца, но и его будущего сына.

Вот как Альфред Теннисон описывает это происшествие, начавшееся поздней осенью 1801 года в Москве:

Однажды-вечером лорд Хелене давал званый обед, на котором присутствовали все иностранные послы и много русских аристократов. Не зная русского языка, мой отец не уловил ни одного имени. Во время обеда звучат намеки на смерть последнего царя. Мой отец понял эти намеки, перегнулся через увешенную наградами грудь русского сановника, сидящего рядом с

ним, и закричал в своей обычной импульсивной манере: «Эй, Хеленс, зачем говорить так осторожно о том, что общеизвестно. Мы все в Англии хорошо знаем, что император Павел был убит в Михайловском замке, и мы точно знаем, кто это сделал. Граф Зобов сбил его с ног, а граф Пален задушил его».

За столом воцарилась пугающая тишина. Затем лорд Хеленс быстро сменил тему. «Знаете ли, есть такой обычай, — продолжал он, — в России не сидеть за вином, как принято в Англии, а идти в другую комнату, где стоит самовар, там пить чай или еще вино и водку и курить». Когда гости поднялись, лорд Хеленс многозначительно посмотрел на моего отца. Тот подошел, и лорд быстро зашептал ему: «Не иди в соседнюю комнату, а спасай свою жизнь. Никакой флаг не защитит тебя в этой стране. Человек, через которого ты перегнул, и был граф Пален, один из самых могущественных дворян России. За столом сидел и Зобов, а ты публично обвинил их в убийстве. Если сегодня лее не уберешься, то через 48 часов ты будешь в тюремной камере Петропавловской крепости. Направляйся к моему знакомому шотландскому купцу, это под Одессой. Он спрячет тебя, пока я придумаю, как вытащить тебя из этой страны, если это вообще возможно. Выезжай сегодня ночью на самых быстрых лошадях, которых только сможешь достать. Я постараюсь удержать компанию как можно дольше. А ты не задерживайся, даже чтобы переодеться».

Мой отец бросился в гостиницу, вызвал своего курьера, приказал достать дрожки с четырьмя лошадьми, кидая в это время свои вещи в дорожную сумку. Он ехал всю ночь и весь следующий день, все еще в вечерней одежде, а погода была очень холодной. Но у него был умный курьер, он нашел того шотландца, в чьем доме отец и скрывался в течение нескольких недель.

Лорду Хеленсу удалось передать ему сообщение: быть наготове и после того, как трижды проиграет рожок «посыльного королевы», быть готовым идти с человеком, который подаст сигнал. И вот, наконец, одной штормовой ночью он услышал долгожданный сигнал. Переодевшись слугой посыльного, посланного домой с донесениями (которые, между прочим, тот потерял, так как напился, а мой отец их нашел) и которого ждал английский фрегат в Одессе, без приключений поднялся на борт и так вернулся в Англию.

Приведенный здесь рассказ Альфреда Теннисона был впервые записан в 1887 году Маккейбом (*McCabe*), переработан им в статью в 1899 году и опубликован в 1902 [3]. Существует еще одна версия этой истории, рассказанная его сыном Халламом Теннисоном в «Воспоминаниях» об отце в 1897 году [4]. Между двумя этими версиями существуют расхождения, которые Маккейб признавал, заявляя при этом: «Я изложил все так, как мне было рассказано».

Конечно, прошло уже много времени после самого события, и очевидные ошибки можно объяснить именно этим. И все же Петропавловская крепость находится в Санкт-Петербурге, тогда как обед, по версии Маккейба, состоялся в Москве. В 1801 году британское правительство могло послать посыльного короля, а не королевы. Едва ли фрегат мог ждать этого человека в Одессе для того, чтобы переправить донесения из Петербурга и Москвы. Довольно странными представляются и дрожки, запряженные четырьмя лошадьми. И, что уже более серьезно, не только фамилия Зубова написана неправильно, но и не упомянуто его имя – Платон. Пален же никогда не сбивал с ног Павла I и вообще едва ли мог присутствовать на банкете в Москве в ноябре, так как по приказу императора Александра находился в это время под домашним арестом [5].

Однако текст Халлама еще более нелепый и еще менее правдоподобный, чем текст Маккейба. В нем отец Теннисона (т.е. дедушка Халлама): «неделями и неделями» ехал верхом по России (предположительно, большей частью по снегу); заболел **в Крыму**, а ухаживали за ним дикие местные жители, танцуют вокруг него и произносятся магические заклинания; каждый раз вскакивал в бреду, когда ему чудилось, что он слышит звук рожка; и, наконец, отрезвлял пьяного курьера угрозами не отдавать потерянные дипломатические бумаги.

Но эта версия появилась раньше текста Маккейба. Она была рассказана Альфредом Теннисоном в 1873 году двум посетившим его епископам и немедленно записана его женой Эмили в дневник. Ее и использовал впоследствии Халлам. Приукрасил ли он ее или нет, выяснить уже невозможно, так как эти оригинальные страницы дневника Эмили Теннисон были утеряны [6]. В

пользу версии Маккейба говорит еще и то, что сам Маккейб к моменту ее написания только что возвратился из России.

Ваддингтон указывает, что есть, по крайней мере, еще одна дошедшая до наших дней версия, записанная одной леди в 1880 году [7]. В версии леди, например, звучит имя Орлова вместо имен Зубова и Палена, возможно, только потому, что именно это имя было ей знакомо.

Что из этого всего следует? Во-первых, то, что Теннисон-поэт действительно верил в эту историю и рассказывал ее по различным поводам. Во-вторых, то, что каждый раз в зависимости от ожиданий аудитории он вносил в нее все новые и новые изменения.

Возможно, рассказывая эту историю епископам, Альфред Теннисон на ходу выдумывал некоторые детали, чтобы произвести на посетителей сильное впечатление и усилить негативное представление о России. Но, если не принимать в расчет все эти аспекты, факт остается фактом: был побег из России и была веская причина для него. Есть свидетельства, что семья Джорджа в отчужденности выдумал свои мелодраматические «итальянские» истории, которые, в отличие от «русских», его дети не любили повторять – как не имеющие никакой политической или исторической важности.

Всю правду узнать уже невозможно. Но сама история является доказательством того, какими значимыми были для Джорджа Клейтона и его сына современные англо-русские связи. С политической точки зрения молодые годы Альфреда Теннисона прошли под знаком общеевропейской борьбы с Наполеоном. Антифранцузские эпиграммы и песенки, рассказы о британском бесстрашии на суше и на море, репортажи в газетах о бесконечных стычках, победах, поражениях, речах, заключенных и разорванных соглашениях, Траффальгаре и Ватерлоо – вся эта мешанина наполняла сознание ребенка и формировала его патриотическую любовь к Англии, презрение к Франции и веру в справедливость войн, которые вела его страна. Суждение же о России основывалось на уже проявленной ею амбивалентности. С одной стороны, Россия, как символ вероломной власти, несомненно, должна была быть наказана Наполеоном, современным Чингиз-ханом. С другой стороны, как нация, проглотившая Великую Армию, она заслуживала вечного восхваления. Итак, вероломство и героизм тесно переплетались в современном отношении британцев к России – так опять случилось и в 1941 году [8].

В 1812, 1815, 1825 годах, то есть именно тогда, когда происходили события, усиливавшие конфронтацию между Англией и Россией, или когда поведение России казалось англичанам особенно «варварским», Джордж Клейтон Теннисон бесчисленное количество раз рассказывал эту легендарную историю своим детям Фредерику, Чарльзу и Альфреду. В детстве и юности Альфред находил в странных путешествиях своего отца такие элементы русской жизни, как беспокойство, опасность и неустойчивость. Но все же представление молодого поэта о России было крайне неопределенным. В «Видении короля Чарльза» («*King's Charles's Vision*»), опубликованном в 1827 году в «*Poems by Two Brothers*», он говорил о захватнических мечтах шведов следующее:

Сквозь узкое ущелье, через мрачную трясиину,
И пустыню утомительной равнины,
Через льды и снега, где текут темные потоки,
По лесам **дикой Украины...**

*(Though narrow pass, over dark morass,
And the waste of the weary plain,
Over ice and snow, where the dark streams flow,
Through the woods of **the wild Ukraine...**)*

Теннисон запутался не только в географии Российской империи, но и в сложностях украинской истории. И не удивительно, что он думал, что отцу потребовались «недели и недели», чтобы добраться верхом от Москвы до Крыма. Аналогично в оде «К величественности» («*On Sublimity*»), также опубликованной в 1827 году, он дополнительно внес в список самых высоких пиков горных массивов «головокружительный **мыс ветров**, пронзающий небо, / С которого мы глядим вниз в

вечность (*The dizzy cape of winds that cleaves the sky, / Whence we look down into eternity*) – и пояснил в сноске, что этот «мыс» находится на Украине. Возможно, он на самом деле думал о Кавказе. Но впоследствии в «Поэте» («*Poet*»), который появился в 1830 году, он упоминает этот регион только как восточный предел древнего мира, а во всех остальных случаях использует термин «кавказский» в значении «индоевропейский» [9, p.244,445]

И, наконец, теннисоновская концепция русского народа (в противоположность дворянству) была стандартной и типично британской: люди, которые ухаживали за его больным отцом в Крыму, изображены злыми колдунами. А в пьесе «Дьявол и леди» («*The Devil and the Lady*»), написанной примерно в 1823-24 годах, колдун-некромант читает по четкам молитву, состоящую из националистических клише, в том числе: «самоуверенный отважный швед», «музыкальный итальянец», «ленивый турок» и «вороватый рус» [9, p.25]

Возможно, к этому не стоит относиться серьезно. Нанизывать аргументы на такие незначительные факты имеет не больше смысла, чем утверждать, что Теннисон обладал информацией о Российской империи только потому, что в его саду в Сомерсби росла дикая сибирская яблоня, а в Фаррингфорде – русские фиалки [10]. И все же истоки тех стереотипов и предрассудков, на которых Альфред Теннисон впоследствии выстроил свое отношение к практически незнакомой ему стране, следует искать именно в загадочном путешествии его отца в Россию в 1801 году.

Литература:

1. Allingham W. *A Diary*, ed. Helen Allingham and D. Radford. – London, 1907. – P.265 (entry for March 1878).
2. Tennyson Sir Charles. «Tennyson Papers. I. Alfred's Father». – *Cornhill Magazine*. – Vol. CLIII, March 1936. – P.284-285
3. McCabe W. G. «Personal Recollections of Alfred, Lord Tennyson». – *Century Illustrated Monthly Magazine* – Vol. LXIII, March 1902. – P. 734-735
4. Tennyson H. Lord. *Alfred Lord Tennyson: A Memoir, by his Son.* – Vol.II. – London, 1897. – P. 147-148.
5. См. например, Johnstone, C. L. *The Life and Times of Alexander I, Emperor of All the Russias.* – London, 1875. – Vol. I. – P. 147-148, 155.
6. Таким образом, неизвестно, было ли это происшествие вообще зафиксировано в дневнике. Этот факт не упоминается в изданных Халламом Теннисоном приватно в 1895 году четырех томах «*Materials for a Life of A.T., Collected for my Children*», которые составили основную часть «*A Memoir*».
7. *Echoes of the "Eighties: Leaves from the Diary of a Victorian Lady*, introd. Wilfred Partington. – London, 1921. – P. 66.
8. Waddington Patrick. From «*The Russian Fugitive*» to «*The Ballad of Bulgarië*». - Oxford/Providence, 1994. – P. 63.
9. См., например: Tennyson A. *The Poems of Tennyson in Three Volumes.* - London, 1987. – Vol. I.
10. Tennyson H. *A Memoir.* – Vol.II. – P. 164.

Поступила в редакцию 22.12.2002

СИМВОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

А. В. Карпенко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье автор делает попытку показать определяющее место символа в художественном творчестве.

Автор также дает краткий обзор наиболее важных символистских теорий, сыгравших решающую роль в развитии концепта «символ».

Ключевые слова: символ, символизм, символизация, идея, художественный символ

У даній статті автор робить спробу показати значне місце символа у художньому мистецтві.

Автор також дає скорочений огляд найважливіших символістських теорій, надавших значну роль розвитку концепта «символ».

Ключові слова: символ, символізм, символізація, ідея, художній символ